

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / Амазонки нашего аула

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

дом отколовшемся кусочке, игравшем в лучах солнца, отражался облик каждого члена семьи — в отдельности.

В осколке, что побольше, стоял Саурбай с торчащей сиво-бурой бородой. Взгляд потухший, полный тревоги.

В осколке рядом — его старуха Мугульсын. Волосы на висках выбились, на голове кружочек платка.

Двум сыновьям, снохе и душеньке семьи — единственной дочке достались по собственному персональному кусочку отражения.

Саурбай, тяжело вздохнув, присвистнул.

— Вот напасть-то! — пробурчала старуха, усатривавшая во всё недобрую примету. И стала собирать разлетевшиеся зеркальные осколки. Остальные даже и не придали этому значения.

Бизнес в наши дни — словно не прирученная к табуну кобылица. Вовремя не заарканишь, ускачет куда подальше, и останется потом только локти кусать.

— Старый обалдуй, всё из-за тебя. Опять бы чего не накликал! Только вроде бы сбежали подальше от аульных сплетен. Думала, наконец-то хоть здесь ушам своим найдём покой. Да куда там, снова какая-нибудь беда прицепится, — задирала мужа Мугульсын.

— Болтай-болтай, да меру знай! Благодаря мне, кажись, живёшь и нужды не знаешь.

— О, пустомеля, вот именно — благодаря тебе мы имели счастье не раз прославиться. Людям в глаза было стыдно смотреть. Муллою ему стать захотелось...

Что правда, то уж правда...

На войне чью-то кровь проливал. В мирной жизни на кого-то смотрел презрительно или выработывал командный голос. Грехов накопилось, наверное... Все мы одним миром мазаны... Отмоюсь, очищусь, выполню долг свой. Если Бог пожелает, то простить меня ему будет нетрудно, думал старик, водружая на голову громадный тюрбан. Припомнил одну из подзабытых сур, которую незабвенный отец вливал в его ещё несмышлённые уши. Этой сурь даже по времени вполне хватало, чтобы обернуть покойного в белый саван и отправить в последний путь.

Говорят, устами муллы вещает сам Всевышний.

— Не голос, а просто бальзам на нашу душу, — нахваливали самодеятельного муллу аулчане.

Кто знает, может, так бы и добывал впредь свой хлеб насущный, если бы не грянул гром среди ясного неба.

...Он уже в очередной раз завершал свою заупокойную молитву, как какой-то огненно-рыжий тип, в толстых окулярах, сползших почти на самый кончик носа, истошно завопил, точно ему горящая голешка попала в штаны:

— Ва, достопочтенные! Гореть бороде его синим пламенем! Что несёт вам этот невежа? Бедный народ, ты идёшь в оный мир не отпетым!..

ЗЕРКАЛО

Старинное, — оно было свидетелем былого времени. Я имею в виду зеркало. Пяти пядей в высоту и чуть уже в ширину. Обрамлённое ценным деревом. Что-то неуловимо тёплое было и в его потемневшем от возраста, словно подёрнутом серебряной чернью, зеркальном ободке.

И что за чудеса — гвоздь в стене на месте, никто не прикасался, а зеркало само по себе возьми и грохнись на пол. Старик Саурбай со своим семейством умиротворённо потягивал утренний чай. От неожиданного грохота и звона все вздрогнули. Большое, закруглённое по углам зеркало, обрамлённое красным деревом, лежало расколотым на кусочки.

Дом заливало солнечным светом. Всё семейство, вскочившее с мест, уставилось на осколки. И в каж-

Стало тихо, как после грозы. Намедни говорили, что из далёкой Алматы приехал один родственничек покойного по материнской линии. Это он и оказался. Ай, то-то сидел смурной и подозрительный. И на сердце с утра как-то беспокойно было, видать, чувствовало, что неладное случится. Этот огненно-рыжий тип, говорят, слыл редким сутягой: в вопросах шариата не давал проходу и самому главному муфтию.

Потом-то и выяснилось, что загадочная сура, доставшаяся от отца по наследству, называлась «Ат-Талак». И предназначалась для совершения обряда развода супружеской четы, погрязшей в склоках и изменах, посыпавшей голову пеплом, позабывшей веру и тихий уют очага. Словом, влип! Как ни руби хвосты, а — попался. Осрамился, век не отмыться. А народ разве образумишь?! Зашелестели языками, аки камыш на болоте:

— А ведь я подозревал, что здесь что-то не так!

— Он, бывало, запнётся, а потом и чешет дальше по-казахски.

— Вот и покойный во сне наведывается. Мучается душа, видать, в преисподней-то...

Воробыным шажком пришлось уносить ноги, пока доморощенные правдолюбцы не надумали учинить над ним расправу. Накликав лиха на свою вольную головушку, к тюрбану с тех пор он больше не приближался.

— Старый дуралей, осрамился на весь аул и в Астану сбежал, — забухтела было Мугульсын по вьвшейся привычке, но помешал неожиданно появившийся на обед старший сын Жайдос, всё время сутулящийся из-за своей долговязости, инфантильный недотепа с носом, напоминающим сизоватую картошку. Если бы не жена его Валя, взявшая в аренду магазин, он бы давно пошёл по миру. Попроворнее из сыновей считался непеседа Байдос. Светловолосый и словоохотливый, несмотря на лёгкую шепелявость, он был спесом по устройству «тендеров» для строительной бригады старшего брата. Безнадежное дело мог превратить в заманчивый проект. Без труда подбирал ключи к партнёрам и потому — угодный начальству. Даже по обычаю «саркыта» — права младшего на долю — он не упускал своего с наваристого стола компаньонов.

Единственная их дочь Жангулим жила как у бога за пазухой, и в писаной ее красе не было ни капли изъяна. К тому же студентка третьего курса...

Злополучная весть застигла всех в полдень: Жангулим совершила наезд. Спешила в урочище Боровое. На дороге сбила молодого парня. Легко сказать сбила: переломы руки и ноги, повреждение позвоночника. Поместили в реанимацию... Вчера, улучив удобный момент, Саурбай пошёл на поклон. Пал в ноги враждебно настроенным родственникам парня. Умолял как мог, слезою омочил свою сивую бороду.

— Буду ставить на ноги за границей. Слышал, обойдется чуть ли не в сто тысяч зелёных... Оплатите

эту сумму? Что проку оттого, что посадят девочку? Если да, чёрт с вами — прошу, — сказал отец парня. Славным оказался человеком.

Жангулим сидела в изоляторе временного содержания. Шло следствие. Саурбай, взвинченный до предела, собрал всё своё семейство.

— Жайдос, в душу твою мать, найди деньги! — кричал он, рассекая кулаком воздух.

— Бизнес же у меня накроется! Не выложу заранее двадцати процентов начальству, тендера не видать как своих ушей.

— В этот раз отступи. Пусть катятся все к черту!

— Потом сидеть на голодном пайке? Зависнуть опять прикажешь?

— А магазин ваш на что?

— Да он себя еле покрывает.

— Единственную мою доченьку заточать в глухую темницу... Да лучше б я вас и не рожала на свет! — заголосила Мугульсын, тут же хватаясь за увесистую скалку.

Молчавший до этого времени Байдос, буравя глазами старшего брата, зашепелявил:

— Ща-щас, разберёмся! У тебя же лежало бабло, брат? Глянь, на щ-щету, я же видел!..

— А вдруг налоговики нагрянут? И вообще, ты когда научишься со мной считаться, а?

— Вот именно! И я о том же. Живёшь за чужой счёт, и никакой благодарности! — вклинилась в ссору сноха, и лицо её тоже приобрело слегка синеватый оттенок, а глаза обесцветились.

— Ты шоль меня обеспечиваешь? Не много ль на себя берешь?! Ты ва-ащ-ще сама натуральная аферистка! Постоянно тыришь выручку в магазине и несёшь своим ненасытным родственничкам. Шо, скажешь, не так?

— Ой-бай! Лучше уж меня продайте! Сдайте вон на базар, ох-ох! — застонала Мугульсын, опершись о скалку и плюхнувшись без сил на диван. — А всё твою греховодность! Беда так и кружит коршуном — не знаешь, когда тебя клонет. Была, кажись, пенсия скоплена. Так нет же, надумал родословие своё отпечатать. Всё обещал: продадим за хорошую цену. Разживёмся!.. Как же, разжились. Кому нужна твоя убогая родословная? Насилу угомонился, когда уже всё сжег! Не так, что ли?

Что правда, то уж правда...

Было дело. После того как поприще священнослужителя потеряло в его глазах всякую привлекательность, понял он, что сидеть сиднем — ничего не высидишь, надо чем-то заняться. Словно озерную гладь, развернул перед собой лист чистой бумаги. И наверху крупными буквами, напоминавшими рога горных архаров, начертал: «РОДОСЛОВИЕ». Затем подчеркнул жирной линией.

«...В период достопамятного Анракайского сражения мой прадед Карабатыр командовал правым флангом войска прославленного хана Абулхаира, — написал он, озираясь почему-то по сторонам. —

А доблестного Кенесары в решающий час поддержал мой прадед Дарабатыр во главе отборной тысячи. Что касается предводителей народного восстания Исатая и Махамбета, то они и шагу ступить не могли без мудрого совета вершителя правосудия, моего последующего предка Жанабатыра... Так что мы тоже не лыком шиты. И есть на то документ...»

Насчёт документа он думал недолго и всё же решил оставить.

Районная типография отпечатала книжечку форматом с телячий язык. Читал её весь аул скопом, спотыкаясь на оборотах — читал и стоя, и падая. Особо активные единородцы, перетолковав изложенные обстоятельства, собирались даже снарядить экспедицию по местам походов столь достославных предков. И всё шло, как подобает. Если не учитывать маленькие казусы, происходившие в выступлениях перед учащимися одной-двух школ, когда он путался в годах жизни и в именах своих предков...

В один из обычных дней из Астаны, как снег на голову, прибыл пухленький, словно колобок, молодой учёный. Он не скрывал своего восхищения генеалогией Саурбая, которую сплошь украшали могучие багатуры и степенные степные судьи-бии.

— Планируем включить в «Новейшую историю». Поставим в один ряд с величайшими представителями народа. Напишем достойную биографию, воссоздадим достоверные портреты, — тараторил не унимаясь молодой человек.

— А от кого ты обо мне узнал? — уточнял Саурбай, не на шутку переволновавшись и немного струхнув.

— Вашу родословную мне представил один мой студент. Парень оказался из ваших мест. Вы, кстати, в ней заявляете, что у вас и документы имеются. Просто великолепно! Почту за честь поддержать их в своих руках, многоуважаемый.

— Э-э, ну, понимаешь, тот же хан или багатур не в одиночку же промышляли на своих врагов, я так думаю... Наши пропахшие потом и опалённые солнцем старички, мабуть, тоже где-нибудь с боку пристраивались с пикой...

Пространный ответ определённо озадачил молодого учёного.

— Тем не менее должны быть какие-то захоронения, где покоятся останки Карабатыра, Дарабатыра и Жанабатыра!

— Всё подчистую высушило солнцем и развеяло ветром.

— На крайний случай, может быть, место...

— И оно тоже исчезло!

— Как это всё-таки досадно... А впрочем, существовали ли на самом деле ваши предки, указанные в родословной? Или же...

— Конечно, собирательный образ ведь, — нашёл старик, не помня, откуда подобрал эту умную фразу. — Эх, голубчик ты мой! И хороший человек —

бугорок земли, и плохой человек — тоже бугорок. На кой тебе копать!

Старуха его, копошась на дне старого деревянного сундука, никак не могла найти хомутовую цыганскую иголку. И, желая освободить мужа от назойливого типа, сунула ему в руку какую-то попавшуюся ей треугольную бумажку, побитую по краям молюю.

Когда же пухленький, как колобок, молодой учёный прочитал: «Дороже золота, весомей серебра, о Мугульсын, красавица моя!..» — то брови его медленно поползли вверх.

— А, чтоб те сгинуть! — процедил старик, протыкая свою старуху острым как шило взглядом. — А-а, так это то письмо, помнишь, я тебе впопыхах черкнул, когда мы бежали из-под Сталинграда!

То ли от изнуряющей июльской жары, то ли от передержанного кумыса скарёдной хозяйки молодой следопыт вдруг в беспамятстве сполз на пол, перевернулся и покатился, точно колобок, поджав под себя и руки, и ноги...

— Ой-бай! Лучше уж меня продайте! Сдайте меня вон на базар, ой-ой! Заодно тащите и этого старого козла за бороду. Продайте в рабство. Пусть сгинет со своей родословной!..

— ...Говоришь, ташу для своих родичей. Да ты сам отъявленный жулик и есть! Забираешь у Жайдоса двадцать процентов якобы для начальства. На самом деле отдаёшь-то десять. Думаешь, я ничего не знаю и не вижу! А ну-ка, вытаскивай из кармана! Не всё тебе пичкать в лифчик своей зазнобушке!

— Что слышат мои уши?! — забухтел, взбудораженный словами жены Жайдос, выпрямляясь во весь свой несуразный рост. И картошка его носа стала почти сизой.

— Так он с детских лет был уличным бандюгой! Мы с ним в параллельных классах учились, — бросила Валя, опасливо придвинувшись к мужу. — Записался как деловой в «Тимуровскую команду»: стал переводить слепого старикашку через дорогу, а тут, глядь, машина выросла... Сам успел отпрыгнуть, а того задавило. Ещё тогда его надо было определить, куда следует. Сгнобить в колонии...

— Эх, мать твою!...

— Ох, отца твоего!...

Подобную перепалку не закончить дракой было бы преступлением.

Байдос с отцом на одной боевой позиции, а другие, трое, объединившись, укрепились на противоположной. В ход пошло всё: посуда гремела и звенела, башмаки летали, ваза в осколки, скалка поскакала... В разгар сражения со стуком распахнулась входная дверь.

На пороге, вместо Жангулим и писаной её красы, в которой не было ни капли изъяна, покачивалась худосочная и изможденная тень.

— Не грызьтесь почем зря! Я сама оплатила по своим счетам... Выхожу замуж за того парня... Бывайте!

И всё оцепенело: упрямая борода старика была в хваткой руке его старухи, тоже переметнувшей во вражеский стан, как это чаще всего и бывает. Растрёпанная, словно у бодливой козы, чёлка невестки Вали в пятерне забияки Байдоса. А нога Жайдоса, размахнувшаяся на врага, бесцельно зависла в воздухе...

Стоп! Кадр!

* * *

Старинное — оно было свидетелем былого времени. Недосказанным был и свет его. Я имею в виду зеркало. Соберётся ли оно наново, нет ли?! Только Аллах и знает...